

Галя МАРКЕЛОВА

Как осени благословенье, Прозрачная старость пришла...

13 ЯНВАРЯ 2011 ИСПОЛНЯЕТСЯ 80 ЛЕТ РУССКОМУ ПОЭТУ ОДЕССЫ ИГОРЮ ИВАНОВИЧУ ПАВЛОВУ

Именно русскому, а не русскоязычному, потому что он родился в пору языковой и культурной (хоть и униженной и обскубанной) цельности, и остается в ареале культурной традиции русского стиха, пропуская время жизни старых одесских дворишек сквозь ее вязь. Статья эта (но, естественно, с купюрами из-за печатных площадей) вышла почти пять лет тому, в юбилейный (для нашего поэта — 75!) год в любимой и читаемой одесситами "Вечерке" под заголовком "Витиеватое перо из крылышка спускалось"...

Прошло пять лет, и ничего не изменилось для "Иваныча" — нет ни новой книжки, ни жилья, ни паспорта... А возраст-то — патриарший! А здоровье-то, что уж говорить... Обращения к депутатам ничего не дало, куда им в период бесконечных выборов (с электоратом работать приходится в поте лица!), так что среди властных структур найти спонсора пока не удается. Друзья? Постепенно тают. Нет уже Группа, Дани Шаца, Макса Фарбириовича, ничего не известно о Хайме Токмане...

Да и сам будущий юбиляр стал в позу — "у него период творческой переоценки"... Но ей-богу, так хочется поддержать в руках книгу стихов, хотя бы переизданных, Игоря Ивановича Павлова — замечательного русского поэта, волей судьбы обитающего в Одессе.

Не такая уж большая разница — 12 лет! Но ясно это сейчас, когда твоему кумиру — 75, а вот тогда, когда тебе — 17, любой, старше этак лет на пять, кажется стариком, седым... А манерное приветствие — "Старуха!" — не так уж долго остается бравадой. Может быть, виноват был дым, в клубах которого парил МЭТР? Игорььяныч, Павлов, Диваныч (позывные эти всегда звучали однозвучно). Он восседал, он воспарял на оголенных дружинах дивана, уже воспелого серьезной провинциальной литературой ("Провинциальный роман-с", Е. Ярошевский) в империи легенд о Независимости Духа.

Игорьяныч знал, Павлов умел, Диваныч ведал! О, как умел мэтр строить беседы, невзначай подбрасывая заранее продуманные ходы, как только что пришедшие на ум, этак хитро, лукавство факира... (А ну-ка, рифму к слову "пуговица"! К нему, к роднику, устремлялись ужаленные российской словесностью вундеркинды, жаждавшие и славы, и известности, убегая от липкого, полосатого, как артельная карамель, быта картывых молдавских дворов. К нему, к нему, в царство лингвистических изысков! К нему, где ловко микшировались тексты Гурджиева и Ницше с безумием Вейнингера, предсмертным хрипом Марины и реалиями румынской оккупации. К нему, где "Биомицин", расстроенный "Алиготе", под черствый бублик и кильку в дыму "Примы" создавал коктейль истинной жизни, поглощенной в Слове.

Старый дом, не ведающий срама, старый двор, разнузданный, как яма, весь в моче хануг, в дерьме собачьем, сядем-ка с тобой вдвоем, поплачем, я морщины ветхие разглажу...

Кто ж для нас с тобой придумал лажу? В пуританские времена соцреализма он позволял себе... Он позволял себе *не делать* (не ходить на службу, не выспаться на профсобраниях...). Не стремиться (в любое "членство", приобрести "Волгу", дачу, сервант...). Но позволял делать со словом, со строкой все мыслимое и немислимое. Это Игорьяныч автор вычурного до невиданной простоты стихотворения (В сочном зареве календул, в закоулках тихих дач я сидел и меж колен дул в громогласный серый мяч). Это он подбрасывал причудливые темы для реанимированного им в колорите старого одесского двора буриме.

Да, и он, и все вокруг было с седым налетом старины. Двор, диван, стол, стул, выражение лица его мамы, прячущей доброту под вуалью легкой надменности. Как-то одна из моих приятельниц (бабушкиных "кузин") с таким же выражением лица спросила дворничиху: "Дуся, почему вы, обращаясь ко мне, не говорите "барыня"? — "Помилуйте, матушка, так ведь Гагарин в космос полетел!" — нашлась Дуся. На что любившая во всем искать логические обоснования старушка, подумав, спросила: "А что же, голубушка, лично для тебя изменилось?".

Такое же недоумение проскальзывает порой и в мимике "Диваныча".

Все вокруг него находилось в неприятии розовощекого оптимизма "текущего момента". Все создавало пространное, где словесность была и остается единственным смыслом и утешением.

За каждым словом — тишина,
за каждым словом — боль.
Тут и неверная жена,
и верный алкоголь.

Все превращалось в магическую лабораторию, где заповедь Федора Михайловича утончается до изящества слова, призванно-го спасти мир:

Да это знак! Да это вест
от муз, от аонид...
За каждым словом что-то есть,
а что — не говорит...

Как-то нобелевский лауреат Октавио Пас дал рецепт, что называть "настоящей поэзией". По Пасу, стихотворение должно подготавливать к тишине, тишина — естественное окончание стихотворения.

(Как в этом случае, после "а что — не говорит" наступает тишина многоточия.)

За видимой простотой стихов Павлова И.И. стоит большая работа, которой предстоит изменить, ну, если не его жизнь, то хотя бы молекулярный состав вселенной. Они (его стихи) многослойны, пропитаны воздухом европейской культуры, как одесские дворы духом акаций и сломанной канализации. Стих его становится изысканным, манерным, выплескивая мелодии романтизма (Туда, туда, где вечер прячет напевы флейты и окарин...) на "пасти ветхих подъездов, за таивших мрак"...

Смещение образов и лиц,
бесчисленна листва.
— Что вы читаете, мой принц?
— Слова, слова, слова...

Культурологический ассоциативный ряд этого миниатюрного стихотворения так велик, что диву даешься: тут и Шекспир, и Сартр, и Мандельштам, и Лорка, и Пастернак, и... настроение тех, "оттепельных" годов.

"Но тем опасней, тем опасней
проникновенье в тишину,
где так невероятны басни
о том, что было в старину".

Природная причастность к российской культуре (собственно и представляющей для него старину) создала невиданное по красоте, по философской глубине, по христианскому смиренному стихотворение:

Придут и Офир, и Освенцим,
Забудутся Рим и Рени...
И старцы пройдут. И младенцы,
Когда постареют они...
Конец прозираю — в начале
Едва проявившихся дней.
На свете так много печали,
Что можно не думать о ней...
Печаль — и в движеньях, и в позах,
В сплетении душ и имен.
Печаль незаметна, как воздух,
Во всем пребывая, как он.
И послана во искупленье
За бред, за дурные дела,
Как осени благословенье,
Прозрачная старость пришла...

Строки эти написаны давно. Я подозреваю, что еще тогда, в веке прошлом, когда не все битвы с бытом были проиграны. Я встретила его, пересекавшего Привоз, независимого, с гордо поднятой головой, все с тем же наследственным выражением лица.

Было это лет двадцать пять тому, по-моему, тогда и написаны были эти строки. Но с ними произошло то, что и со всеми другими его стихами, которые Бог знает где разбросаны:

Повинуясь высшему порядку,
я своей строкой не дорожу:
то теряю новую тетрадку,
то листок забытый нахожу —

откровенничает поэт. (Даже ритм взят из озорного фольклора, только чтобы всерьез

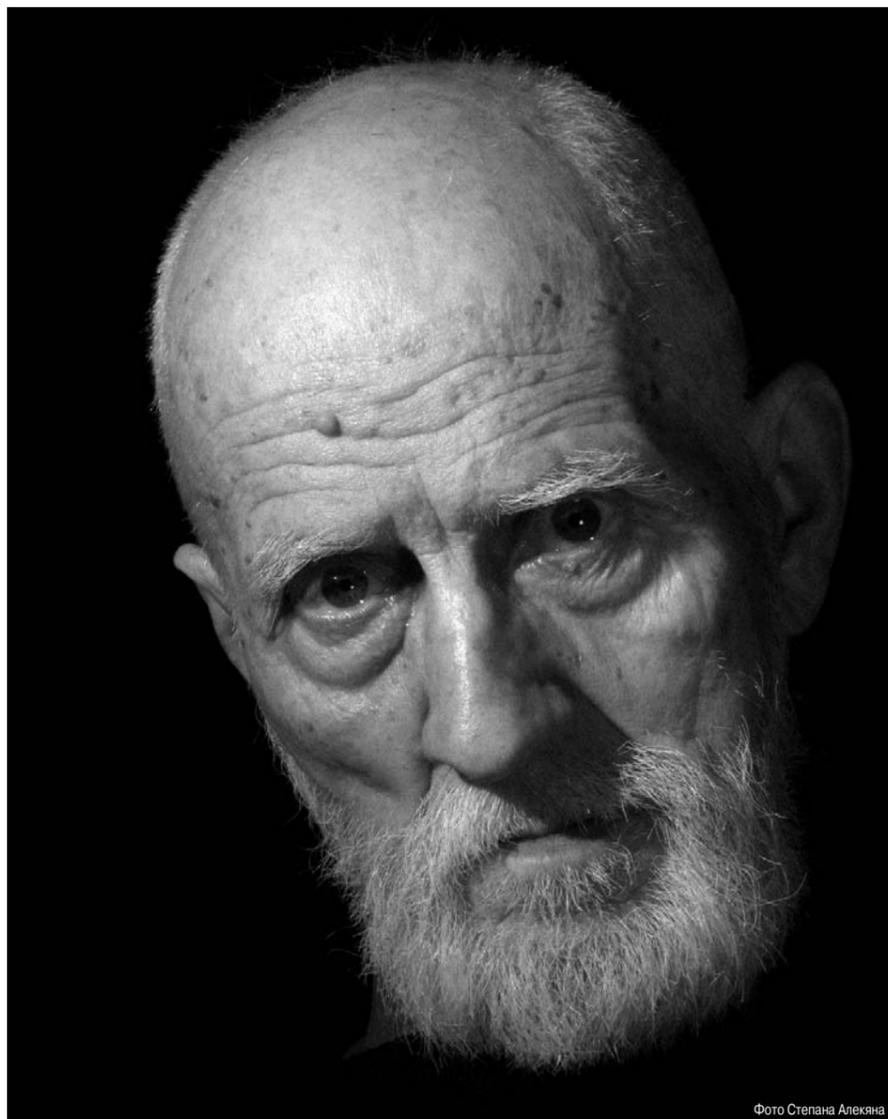

Фото Степана Алякина

никто бы не воспринял!) Вот такое отношение к себе удалось как-то переломить издателю Геннадию Группу и тем "мальчишкам, отбывшим на зов блуждающей звезды". Шел 2001 год — юбилейный, семидесятый. Гриша Резников, Эдвиг Арзунян, Хайм Токман, Толик Гланц и еще много других своей любовью поддержали легенду о независимом поэте. "Снова он принес мне свои "портянки", — ворчал Гена, снимая со сканера пожелтевшие расплывшиеся листки, реанимировал текст, снова пил водку с поэтом и наслаждался возрожденными стихами. Групп издал в своем рождавшемся тогда издательстве "Инга" крошечные первые книжечки Игоря Павлова: "Избранное" и "Еще избранное", которым суждено было разлететься по миру и стать библиографической редкостью сразу же. Но сегодня Гены уже нет...

"Собственно, жизнь не кончается, брат-Кентавр. Трогай землю копытом, поглядывая на нас". Это из стихотворения Б. Херсонского, этаким стихотворной биографии Диваныча, которое напечатано там же, в сборнике И. Павлова "Избранное" (изд. "Инга", 2001 г.). В нем — все, правда. И зияющий котлован на месте прошлого. И потерянное жилье, вслед за которым затерялся и паспорт. И смятые листки новых стихов, и...

Дня за три до Нового года (2006) мы стоим с Игорьянычем на трамвайной остановке на Соборке. Двое потрепанных стариков, мы громко по причине глухоты обсуждаем шансы на получение Нобелевской премии, вспоминая и Бродского, и Бунина, и Агуеро, и Октавио Паса... Толпа редет из-за абсурда, вырастающего вокруг нас. Эту ситуацию он как будто предвидел:

Черно-белые Птицы Абсурда
Издаясь, вдали пропоют:
Мир окончен...

Но в этом же стихотворении есть и такие высокие строки:

...Не отравит наш дух и сознание
Окаянное слово "абсурд".

И над краем, что смят и поруган,
Будет гром, грянет сладкий раскат.
И разнимутся вещие руки,
Научившись, как надо ласкать.

Вслушайтесь, какая очищающая гроза Всевышней Любви проливается на вас! Я талдычу, что на Премию кто-то должен представлять, что нужны еще книги, нужен заинтересованный издатель, деньги, в конце концов... Павлов не сдаётся — он уверен, он ждет... Может, и дождет. Ведь такого озорного, эротичного и наполненного чистой любовью (в то же время) стихотворения нет ни у кого!

Покой кивает олеантрам,
вдыхает флору дальних стран...
И ты уснешь. Тогда за кадром
Восстанет розовый фонтан.

Вот вырос — властен и безвластен,
Как тополь стройный, озорной —
Смешенье грез и снов, и страсти,
Пропавшей утренней зарей.

Моих сомнений порожденье,
Он — подтвержденье, он — ответ,
Что ты чиста до пробужденье,
Пока тебя в сем мире нет...

Так хочется надеяться, что в нашем городе найдутся любители поэзии, способные почувствовать вместе с Поэтом:

Живу на том пределе,
Когда не нужен звук,
Когда в притихшем теле
Опять очнулся Дух...

...и тогда уж точно получится...
Получай, город, своего нобелевского лауреата!

P. S.
Я все еще надеюсь на тебя, мудрый читатель...